

СЕКРЕТАЦИЯ

Таша Янсу

Сегрегация

«Автор»

2026

Таша Янсу

Сегрегация / Таша Янсу — «Автор», 2026

Журналистку Стефани Хоппс убили одним выстрелом. Главный подозреваемый во всем признался и не пытается оправдываться. Но детектив Алан Джексон полон сомнений. Почему глава службы безопасности делает все, чтобы защитить главного подозреваемого? Зачем ее секретарша тайно обращается за помощью к девушке из Нижнего города? И что успела узнать Стефани перед смертью? Следы ведут Алана к прошлому, которое он пытался забыть, и правде, способной расколоть мир, где чистые являются привилегированной элитой, а цветные - отсталыми отбросами, наказанными Богом за грехи прошлого.

© Таша Янсу, 2026

© Автор, 2026

Таша Янсу

Сегрегация

Глава 1

Алану нравилось вообразать, как он будет встречать утро в будущем. Просыпаясь в теплой постели в своем уютном доме, он лежал бы какое-то время, разглядывая спящую рядом красивую женщину, свою жену. Он встал бы тихо, чтобы не разбудить ее, и поплелся бы на кухню, освещенную рассветом. Там он достал бы из шкафчика коробочку синтетических кофейных зерен, насыпал бы в кофемашину и наблюдал за тем, как поставленная чашка наполняется горьким напитком.

Своей жене он тоже сделал бы кофе. Какую-нибудь сладкую дрянь. Он всякий раз поражался бы тому, как она может это пить, а она каждый раз кривила бы носик, оскорбляя его чашку в ответ.

Его вторую чашку, потому что первую Алан смаковал бы в блаженном одиночестве, прежде чем отправиться расследовать очередное дело.

Но вот ему минуло тридцать пять. Вместо уютного дома у него был арендованный холодный куб на двадцатом этаже доходного сектора, слишком тесный, чтобы в нем уместилось что-то еще, кроме холодильника, кровати и хронической усталости. Вместо красивой жены — одинаковые, как серийные модели, девушки, которых он менял чаще, чем фильтры в кондиционере. Новенькая кофемашинка пылилась на арендованном складе вместе с остальным хламом для жизни, которая так и не началась. Работа требовала такого внимания, что вместо священного ритуала Алану приходилось бежать, хватая из автомата в вестибюле капсулу синтетического тоника “Бодрость-7”.

Иногда случались проблески, и ему удавалось провести отличное утро в репликовой кофейне неподалеку, где за непомерную цену подавали термостабильный напиток, выращенный в пробирках. Но это утро к таковым не относилось.

Он проспал. Автомат в вестибюле сломался, так что вместо тоника он пыхтел одолженной у охранника сигаретой с нейростимулятором, пытаясь унять головную боль (потому что таблетки, конечно же, забыл). Он был не в кофейне, а на кладбище, расследуя очередное грязное дело. Вдобавок ко всему моросил холодный дождь, смешанный с мелкодисперсной пылью с промышленных окраин. Иногда он так ненавидел свою работу...

Чистых хоронили в так называемой нейтральной части города, среди ухоженных мемориальных парков, где искусственная трава всегда оставалась изумрудной, а небо над мраморными аллеями подсвечивали дроны-погодники. Невысокие голографические стелы, мерцающие в тусклом свете утра, располагались рядами. На каждой загорались золотистые надписи, заикленные на несколько секунд, — имя, даты и аватар усопшего. Энергосберегающие проекторы питались от небольших солнечных панелей, встроенных в землю.

Одетые в темные одежды люди сгрудились вокруг небольшого надгробия, пока священники читали заупокойную. Погибшая была на три года старше самого Алана, у нее остался сын, родители и младшая сестра. Он поговорит с ними, решил Алан, после того как разберется с женщиной, за которой следил.

Чистая фиолетовая, с длинными белыми волосами. Одета в дорогой элегантный костюм, а за кладбищенской оградой ее ждал автомобиль — новейший “Кадиллак Аэролюкс Соверейн”, лакированно-черный, с хищно узкими фарами и бесшумной антигравитационной подвеской.

По хромированному борту скользили строчки служебных голограмм, а затемненные стекла скрывали салон от посторонних глаз.

Секретарша директора оперативного отдела УВБ* должна выглядеть солидно.

Когда настала ее очередь, Дамиана Хартлоу подошла к надгробию и положила черную розу. Но вместо того, чтобы вернуться на свое место, она двинулась дальше, к розовой девушке с синими волосами.

Алан моргнул, не веря, что умудрился пропустить ее появление, ведь одета она была несколько... экстравагантно и совершенно неподобающе.

Чистая розовая, с синими волосами, стриженными с правого виска. В рваных сетчатых колготках, которые выглядели скорее как вызов обществу, чем предмет одежды, тяжелых берцах и коротких шортах. Просторная куртка с неоновыми нашивками явно была одолжена у мужчины. Среди траурной сдержанной роскоши прочих гостей она выглядела как цветной глитч на монохромном экране.

Алан нахмурился. Его не отпускало чувство, будто он уже где-то ее видел.

Заметив Дамиану, девушка помрачнела. Они заговорили. Алан сделал вид, что поправляет волосы, а сам кончиком пальца коснулся сенсорной кнопки “Визора-Д”**. Снаружи это были обычные смарт-очки — тонкая черная оправа, слегка затемненные линзы, которые выглядели просто как дешевый поликарбонат. Такие носят тысячи рядовых клерков, инженеров, преподавателей. Это позволяло Алану наблюдать, не привлекая внимания.

Он прищурился, и “Визор-Д” автоматически приблизил картинку, наложив желтую сетку на губы Дамианы и розовой незнакомки. “Визор” моргнул индикатором, переходя в режим лип-ридинга. Теперь Алан видел не просто лица, а графическую проекцию вероятных слов, наложенную поверх губ.

Он, конечно, не рассчитывал, что ему сейчас любезно выдадут имя и адрес настоящего убийцы, но все равно испытал разочарование, когда понял, что перед ним всего лишь две бывшие подруги, между которыми гниет старая ссора. Он уже собирался отвернуться от этого неловкого, бесполезного разговора, но тут...

— Ник жив, — сказала Дамиана. — Он пришел с признанием, что убил Стефани.

Розовая вздрогнула и посмотрела на нее.

Алан удержал улыбку, затаился до фильтра, заломил окурочок пополам — тот тихо зашипел, утилизируясь в биоразлагаемую пыль у него в пальцах — и продолжил наблюдать. Похоже, не зря он доверился интуиции и решил проследить за Дамианой Хартлоу.

Стефани Хоппс. Чистая желтая, малиновые волосы, рост метр пятьдесят пять. Была найдена мертвой в переулке у Десятой линии на “свалке” — так чистые называли Третий круг, где жили цветные граждане. Переулок тот пользовался дурной славой даже среди местных: тесный каменный шрам между облезлыми доходными блоками, где в лужах плавали обрывки упаковок и черная слизь***, а над головой трещали старые неоновые вывески. Случай идеально подходил под ограбление и убийство в неблагополучном районе. Даже причина, какого черта Стефани делала там поздно ночью, имелась: она была репортером “Голоса окраин” и освещала проблемы цветных. По словам коллег, она работала над очередной статьей. Никого не удивило, что ее нашли мертвой, — ей предвещали такой исход уже давно. В Гранд-Капитоле любили рассуждать о свободе слова, пока эта свобода не заводила репортеров слишком далеко. Туда, где за блестящим фасадом столицы начинались грязные кишки.

Дело быстро отправилось бы на полку нераскрытых за неимением доказательств, но три дня назад в Инспекторат Безопасности заявился Николас Хоук с чистосердечным признанием. Час спустя туда ворвалась директриса оперативного отдела УВБ в сопровождении телохранителей и своей секретарши, Дамианы Хартлоу.

Это само по себе вызвало знатный переполох, ну а дальнейшее напоминало сюрреалистический фарс: директриса УВБ потребовала встречи с преступником, а после заявила, что он невиновен и приказала его отпустить.

Преступник между тем продолжал настаивать на том, что именно он убил Стефани Хоппс. Он назвал время смерти, перечислил детали, которые посторонний не мог знать... Он охотно шел навстречу следствию — сообщил всю нужную информацию о себе и где пропадал последние тринадцать лет.

Это изрядно всех озадачило.

Николас Хоук. Цветной — доминантный желтый, рецессивный синий. Числился погибшим в катастрофе тринадцать лет назад. Незадолго до этого был охранял будущую директрису УВБ — тогда она училась в университете им. Святой Магдалены. Ничего удивительного, что она, узнав о его возвращении, поспешила с ним увидеться — а все в отделении Инспектората немедленно стали подозревать, что между ними был роман. В Инспекторате вообще обожали романы, тайны и пикантные версии — все, что помогало отвлечься от приевшейся обыденности и забыть ненадолго о постоянном надзоре камер, начальства и зависимости от рейтингов благонадежности.

Суд был назначен на пятое октября. Директриса УВБ внесла громадный залог и забрала Николаса Хоука с собой под личную ответственность. Дамиана Хартлоу же в тот день осталась в отделении Инспектората допоздна — по специальному разрешению, а также благодаря должности ей открыли доступ ко всем материалам этого дела. В обычных условиях подобное вызвало бы возмущение, но в Гранд-Капитоле привилегии сильных давно не считались чем-то предосудительным. Они были таким же естественным элементом городской среды, как стеклянные башни, дроны-надзиратели и отдельные входы для чистых и цветных.

Алан решил проследить за Дамианой Хартлоу и не прогадал. И без того занятное дело обрастало новыми любопытными подробностями. С какой стати деловой Дамиане иметь дело с этой странной оборванкой?

Тут внимание Алана отвлекла ругань у ворот кладбища — инвалид в коляске пытался проехать внутрь, но охранники в блестящей от дождя униформе не пускали его. Коляска была старой, механической, без гравитационной подвески. Алану быстро стало понятно, в чем проблема: парень был цветной, доминантный фиолетовый. Его лицо с обеих сторон рассекали рецессивные оранжевые узоры.

Розовая ахнула и побежала к воротам. Дамиана поспешила за ней. Алану ничего не оставалось, кроме как наблюдать за происходящим издали. Розовая что-то восклицала, взмахивая руками. Подошедшая Дамиана коротко переговорила с охранниками, и те отвязались от инвалида. Один из охранников просканировал значок, который продемонстрировала Дамиана. Потом что-то пробормотал в гарнитуру — видимо, проверял уровень допуска. Уровень оказался достаточным.

А затем Дамиана подошла к инвалиду и вlepила этому бедняге пощечину.

Поминальная служба тем временем подошла к концу, и люди стали расходиться, так что Алан, перемещаясь с ними, получил возможность понаблюдать за Дамианой с более удобного расстояния. Инвалид покатил на кладбище, проехал мимо Алана с сердитым выражением странно знакомого лица. И Алан снова не мог взять в толк, где же его прежде видел.

Он нахмурился. Да что с ним сегодня такое? Переборщил с нейростимуляторами, и теперь его неустанно преследует эффект дежа-вю?

Дамиана и розовая продолжили разговор, но теперь розовая повернулась телом к Дамиане и слушала ее куда спокойней. Они о чем-то договорились (“Визор-Д”, подзависший из-за дождя и резких движений, не успел уловить) — розовая кивнула, соглашаясь, и Дамиана улыбнулась. Это была ее первая улыбка за все три дня, что Алан за ней следил.

Они дождались возвращения недовольного инвалида и вместе вышли за ворота. Дамиана отправилась к своей машине. Розовая взялась за ручки на спинке инвалидного кресла и покатила своего друга в сторону, где “нейтралка” перетекала в “свалку” и начинались улицы цветных, а также — арки в Нижний город.

Алан раздумывал недолго — он привык доверять своей интуиции, а она чуть ли не кричала сейчас, что он должен последовать за розовой. В конце концов, он отлично знал распорядок дня Дамианы: сейчас она отправится в офис, в одну из башен департамента безопасности, туда, где зеркальные стены скрывали больше секретов, чем государственные архивы. А розовая... Очевидно, чтобы снискать ее расположение, Дамиана решила вопрос с пропуском цветного на кладбище чистых. С чем таким может справиться розовая оборванка, с чем не может справиться секретарша директрисы оперативного отдела УВБ? И как она связана с погибшей чистой — Стефани Хопс?

Алан унаследовал внушительное состояние и место в Верховном Конклаве еще тринадцать лет назад, но переехал в Гранд-Капитоль лишь спустя десять лет.

Долгое время он малодушно злился на отца за то, что тот погиб, — родители Алана развелись, и отношения между ним и отцом едва ли успели наладиться, когда группа цветных экстремистов разнесла к чертям центр города. Пространство в два квадратных километра с тех пор было обнесено антирадиационным куполом, а сквер вокруг него объявлен мемориалом памяти павших. Горожане приносили туда цветы, делали скорбные снимки для социальных сетей, водили детей на уроки гражданской памяти. Но Алану всегда казалось, что оттуда тянет не скорбью, а демонстративным упреком, который власть ежедневно предъявляла городу как доказательство правоты своих действий. Теракт был трагедией, бесспорно, но в то же время развязал руки политической силе, возглавляемой партией чистых: полномочия цветных лидеров в городском совете сократили, права цветных по всему миру ожесточились, а меры отслеживания стали строже. Весь прогресс, установленный активистами, безнадежно рухнул из-за последовавшего мощного резонанса. Алан лишь диву давался, сравнивая возможности цветных каких-то пятнадцать лет назад — и сейчас.

Розовая неспешно катила инвалидную коляску со своим другом. Город постепенно менялся — нейтралка переходила в зону, где жили цветные горожане. Небо закрывали переплетения ржавых труб и самодельных мостов, протянутых между обветшалыми зданиями. Голографическая реклама уступала место неоновым вывескам на языках, которых Алан не понимал, а в воздухе висел густой запах дешевого синтетического топлива и жареной еды. Мелко крапывающий дождь на время прекратился.

Розовая и инвалид остановились посередине обшарпанной улицы.

— Ты езжай один, — расслышал Алан голос розовой, — я тут вспомнила, что у меня есть кое-какое дельце.

— Свиданка? О, неужели.

— Вроде того.

— Да и катись. Без тебя справлюсь.

Они распрощались, инвалид поехал дальше, а розовая зашагала в переулок, оттуда — на параллельную улицу и снова нырнула в переулок. Двигалась она быстро и уверенно, как человек, который мог пройти по этому лабиринту с закрытыми глазами.

Где-то высоко дребезжал вентиляционный короб, капала вода, неон с соседней улицы расплзался по стенам грязно-розовыми и синими пятнами. Алан прибавил шагу, не хотелось бы упустить девушку из виду. Наверняка розовая отправилась по поручению Дамианы Хартлоу... Он свернул в переулок и осознал, что падает.

Натренированное тело действовало рефлекторно. Сравнительно мягкая посадка и тут же боевая готовность, но напавшая на него девушка вцепилась в него и немыслимым движением

завалила на землю, оседлав шею сильными ногами, затянутыми в сетчатые колготки. В темноте блеснуло лезвие — дешевый, но остро заточенный кусок металла.

— Кто ты такой и какого черта меня преследуешь? — прошипела девушка.

Ее голос был сдавленным от злости, лицо — слишком близко. Алан видел россыпь веснушек на носу, влажные пряди синих волос, выбившиеся из-за уха, яростную настороженность во взгляде. Алану ничего не стоило бы скинуть нахалку с себя, даже если бы у нее были какие-то еще фокусы, но он вспомнил, наконец, где ее видел, и расслабился, не удержавшись от улыбки.

Розовая. Миловидное круглое лицо, синие глаза и россыпь веснушек на носу. Его первая любовь. Как он мог ее не узнать?

Он осторожно отпустил ее.

— Лали. Это я, Алан. Не узнала меня?

Ее глаза медленно округлились. Она вспыхнула. Обнаружила, в какой непристойной позе удерживала его, вспыхнула еще больше и торопливо с него слезла.

— Что ты здесь делаешь? — растерянно спросила она. Ее глаза подозрительно сощурились. — Ты мог просто поздороваться, раз узнал меня. Почему следил за мной?

Признаться ей, за кем он на самом деле следил? Может, Лали по старой дружбе рассказала бы, в чем дело, о просьбе Дамианы...

Минуточку. Две подружки, которые никогда не расставались... Дамиана — Дами — лучшая подруга Лали. Алан был готов хлопнуть себя по лицу. Хорош детектив, ничего не скажешь! С другой стороны они обе сильно изменились за прошедшие пятнадцать лет.

Алан решил, что не станет ничего утаивать от Лали. В конце концов, если она захочет проверить, она быстро разоблачит его ложь, а перед ней ему всегда хотелось выглядеть лучшим человеком, чем он был. Даже сейчас, стоя в сыром переулке под мигающим светом вывесок, среди потеков грязной воды, он вдруг почувствовал себя тем мальчишкой, который когда-то старался говорить чуть умнее, стоять чуть ровнее и смеяться чуть увереннее, лишь бы она посмотрела на него с интересом.

— Я здесь по делу Стефани Хоппс, — сказал он. — Я частный детектив, меня наняли расследовать ее гибель.

— Кто нанял? — Лали все еще хмурилась и была настороженной.

Алан примирительно улыбнулся. Ему отчаянно хотелось вывести ее из этого переулочка, отвести в какое-нибудь сухое теплое место, угостить “Микс-бластом” — господи, спустя столько лет он все еще помнил ее любимый напиток! — и увидеть ее широкую счастливую улыбку, от которой, казалось, в помещении становится светлее и теплее.

Алан поразился своему желанию. Он, черт возьми, даже представить не мог, что все еще способен на такую сентиментальность. Ему казалось, что жизнь давно вытравила из него подобные порывы, оставив только осторожность, цинизм и привычку просчитывать чужие мотивы.

— Я не знаю. Анонимный пользователь отправил мне материалы по этому делу, используя почту моего отца.

— Мистера Джексона? — уточнила изумленная Лали.

Будто у него был еще какой-нибудь отец... Матушка больше не вышла замуж — она надеялась, что отец вернется в семью, ждала, обманываясь его редкими, но широкими жестами, принимая их за шаги навстречу. Отец же был просто щедрым человеком — он с такой же беззаботностью одаривал своих друзей. И за это Алан тихо его ненавидел — для отца они с матерью ничем не выделялись от прочих его знакомых.

То ли дело был Тео. Красивый, ловкий, смысленный Тео — всем пример, отрада отцовских глаз, сын от любимой женщины...

— Да, — спокойным голосом отозвался Алан, осознав, что молчит слишком долго. — Я пытался расспросить его, но не получил ответы. Лишь аванс на мой счет и обещание рассказать все, как только дело будет раскрыто.

— У тебя уже есть догадки, кто мог бы это сделать?

Алан отрицательно покачал головой.

— Пойдем, — неожиданно предложила Лали, — здесь неподалеку есть местечко, где мы можем спокойно поговорить.

Не дожидаясь ответа, она пошла вперед, заложив руки в карманы великоватой куртки. Сквозь тяжелые тучи мелькнул солнечный луч, осветивший ее фигуру. Скользнул золотыми пальцами по синим волосам, по влажным складкам куртки, по розовой коже шеи... Алан пошел следом, словно его тянуло ниточкой.

Они нырнули в щель между мастерской бионических имплантов и лавкой подержанной электроники. Снаружи заведение выглядело неприметно: узкий фасад, тусклая неоновая вывеска с парящей чашкой. Внутри оказалось на удивление уютно: стены из грубого бетона, но с теплой янтарной подсветкой. Вдоль стен тянулись кабинки с высокими спинками из черного поликарбоната. Над каждым столиком висел дешевый голографический проектор, транслирующий “окна в природу” — кто-то заказывал океан, кто-то лес, но картинки мерцали по краям, выдавая дешевизну системы. В углу тихо гудел старый кофейный автомат “Ретро-Брю-7”, давно снятый с производства и переживший десятки ремонтов.

Воздух пах свежемолотой имитацией кортезина и синтетической сдобой. За стойкой лениво водил пальцем по планшету молодой парень — цветной, доминантный зеленый, рецессивный желтый.

Посетителей было немного: двое подростков с планшетами, пожилая женщина в рабочем комбинезоне, мужчина с бионической рукой, который молча смотрел в мутное окно. Над стойкой беззвучно крутились новостные сводки, но здесь их никто не читал.

Лали выбрала место с идеальным обзором: спиной к стене, лицом ко входу. Как те, кто учился в военной академии, — или кто привык к неприятностям. Она заказала себе “Микс-бласт” — ту самую сладкую кортезинную дрянь, которую обожала, — а Алану синтетический кофе.

Просто совпадение, подумал Алан, когда она сначала заказала ему напиток, а потом спохватилась и уточнила. Вряд ли она помнит. У нее нет ни одной причины помнить.

— Итак, — протянула Лали, после того, как заказ принесли. Дымок от ее чашки поднимался вверх, смешиваясь с мерцанием голограммы над столом. — Тебя нанял загадочный аноним, и ты решил последить за мной?

Она сняла с себя верхнюю одежду, оставшись в простой майке, и Алан не мог не отметить женственную округлость ее плеч, и что ее грудь стала пышнее с тех пор, как они в последний раз виделись.

Что с ним, черт возьми, такое? Он на задании, он должен собраться. Он постарался сделать невозмутимый вид.

— Не совсем. Я следил за Дамианой Хартлоу. После того как убийца пришел с признанием, в отделение Инспектората ворвалась глава УВБ, можешь в это поверить? Она устроила знатный переполох, наняла ему лучшего адвоката и велела Дамиане изучить все материалы дела. Я решил проследить за ней, но потом увидел тебя. О чем вы с ней говорили?

— Все о том же — что Ник жив и заявил, будто бы он убил Стеф.

— Ты в это веришь? — Алан подался вперед, пристально изучая реакцию Лали.

— Нет, конечно. — Лали нахмурилась. — Зачем ему это делать? Но я понятия не имею, где он был столько лет, так что... Кто знает? Поверить не могу... Где он пропадал, почему не дал о себе знать? Дами попросила меня поговорить с ним, решила с чего-то, что я его убола-таю... Но как? Мы, конечно, дружили в прошлом, но ведь и Дами... А Анжи... Анжелика Хелшайн, — быстро поправились Лали, — мы называли ее Анжи и «принцессой», она так с этого бесилась.

Лали фыркнула. Ее веселье быстро улетучилось, она снова помрачнела.

— Так вот, Анжи... Она ведь сейчас директриса УВБ, а Ник присматривал за ней тогда. Ну, был чем-то типа телохранителя, уж не знаю, как так вышло — он ведь был цветной. Он цветной, — снова поправилась Лали и прижала ладонь к лицу, прячась от пытливого взгляда Алана. — Боже, что я несу?..

Ее розовая кожа разругалась, она неловко отводила глаза, смущенная своими оговорками. Ее нога нервно подергивалась. Похоже, нечаянный совместный обед не доставлял ей удовольствия. Что ж, ей придется потерпеть его еще немного.

— В общем, — отчаянно продолжила Лали, — не знаю, с чего Дами решила, что я могу здесь помочь, если даже они вдвоем не смогли уговорить Ника все рассказать.

— Но ты будешь рада увидеть его спустя столько лет?

Лали наконец-то прямо посмотрела на Алана. Ее лицо озарилось слабой улыбкой.

— Да.

— И ты поймешь, если он солжет?

— Не знаю. — Лали вздохнула и сделала несколько глотков своего напитка. На верхней губе осталась бледная полоска молочной пены; она машинально слизнула ее, а Алану пришлось приложить усилие, чтобы не задержать взгляд.

— Ты расскажешь мне, что тебе удастся узнать? — спросил он.

— Так ты решил подкупать меня ужином? — усмехнулась Лали. — Хороший ход, мистер детектив.

— Да, вы меня раскусили, мисс... — Алан запнулся. На руках Лали носила перчатки с обрезанными пальцами, так что было неясно, была она замужем или нет. — Миссис?..

— Мисс, — быстро ответила Лали, снова отведя глаза. — Мисс Розвелл, как прежде. Слушай, мне нужно освежиться, я скоро.

Она выбралась из-за стола и поспешила в уборную. Алан проводил ее взглядом, чувствуя, как теплеет лицо.

Мисс Розвелл, как прежде, да? Не может быть, чтобы она не была замужем. Что с ней случилось за то время, что они не виделись?..